СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVII

АФРИКА (География, история, культура, экономика)

В. С. Ягья

СДВИГИ В ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ И ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Афро-азиатский и латиноамериканский мир в 80-е годы характеризовался особенно динамичными экономическими, социальными и политическими сдвигами. Многие происходившие здесь процессы приобрели глобальный характер и все заметнее сказываются на соотношении сил в мире. Речь, разумеется, идет о «суммарном» эффекте их участия в международных делах, ибо, как писал К. Н. Брутенц, «процесс возрастания веса освободившихся и, в общем, развивающихся стран по своему политическому и социальному смыслу неоднозначен» [4, с. 102].

В связи с повышением роли развивающихся стран в мировой экономике и международных отношениях усиливается внимание ученых-обществоведов к различным проблемам этих государств. Важное место в их исследовании занимают актуальные вопросы народонаселения Азии, Африки и Латинской Америки, Значителен вклад отечественной науки в изучение данной тематики, в частности географии населения, этнографии и демографии освободившихся стран. Крупные научные направления в области этнографии, этногеографии, геоурбанистики и геодемографии разработаны или разрабатываются Д. А. Ольдерогге, Л. И. Бонифатьевой, М. Б. Горнунгом, Я. Н. Гузеватым, А. А. Долининым, Р. Н. Исмагиловой, Я. Г. Машбицем, В. В. Покшишевским, М. С. Розиным, Г. В. Сдасюк, Б. Б. Руновым и рядом других советских ученых. Заметный вклад изучение народонаселения освободившихся стран С. И. Брук, фундаментальный труд которого представляет собой этнодемографическую панораму населения различных регионов мира, в том числе Азии, Африки и Латинской Америки [3].

Наименее исследованы, однако, политико-географические аспекты демографических и экистических процессов в развивающихся странах. Судя по всему, это связано с отсутствием должного внимания к политико-географической науке, о чем приходилось уже писать [20, с. 9]. Отстаивание весьма спорных или даже возрождение устаревших и не оправдавших себя положений вряд ли способствует активизации политико-геогра-

фических исследований [16, с. 37]. Актуальность и высокая теоретическая значимость политической географии как общественно-географической науки несомненны, что не раз подчеркивалось в трудах Н. Н. Баранского, И. А. Витвера, Ю. Д. Дмитревского, И. М. Маергойза, Я. Г. Машбица, В. В. Покшишевского, Ю. Г. Саушкина, Б. Н. Семевского. В 80-е годы для подъема авторитета политической географии немало сделали Р. А. Горбацевич, Н. В. Каледин, В. А. Колосов, С. Б. Слевич, О. В. Витковский, А. Л. Белов и др.

В настоящей статье предпринимается попытка определить взаимосвязь сдвигов в географии населения и политико-географических процессов в развивающихся странах. Разумеется, проследить взаимодействие этих географических явлений в полном объеме здесь не удастся, ограничимся лишь рассмотрением некоторых сторон влияния геодемографических и экистических сдвигов на изменение политико-географической ситуации в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки. Методологическая основа решения поставленной задачи состоит в том, что, как писал К. Маркс, «когда мы рассматриваем данную страну в политико-экономическом отношении, то мы начинаем с ее населения, его разделения на классы, распределения населения между городом, деревней и морскими промыслами, между различными отраслями производства» [1, т. 12, с. 726].

В отношении изучаемых вопросов большое значение имеет также следующее положение: несмотря на наличие антагонистических противоречий на определенных этапах развития общества, оно благодаря социальным отношениям представляет собой единый организм [11, с. 155]. В работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология» показана взаимосвязь между производительными силами, и в первую очередь населения как ведущей из них, и политическими отношениями, государством [1, т. 3, с. 322]; в письме К. Маркса П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 г. прослежено влияние производительных сил на развитие всех общественных отношений, в том числе политических [1, т. 27, с. 402, 403]; Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» политический аспект отношений сводит не только к управлению людьми, но и к управлению вещами, производственными процессами [1, т. 20, с. 292]. В свою очередь, политические связи выступают в отношении экономических и социальных, как образно говорил К. Маркс, в качестве дирижера в оркестре [1, т. 23, с. 342—344]. Сами политические отношения представляют собой сферу политического бытия совокупного человека, одну из определяющих форм «существования и действия социальных качеств человека» [1, т. 1, с. 242].

Руководствуясь приведенными выше методологическими положениями, следует сделать вывод о теснейшей взаимосвязи географии населения и политической географии. Население как социально организованный коллектив производителей выступает в качестве объекта и субъекта политики одновременно. Оно является носителем политических отношений, действующим лицом (активным или пассивным) политических событий, явлений или процессов.

Территориальная дифференциация геодемографических и экистических особенностей населения, обусловленная в конечном счете пространственной структурой общественного воспроизводства, во многом предопределяет политико-территориальные различия в организации жизни общества, их проявления. ход развития и т. д. В свою очередь, нельзя не согласиться с В. Г. Давидовичем в том, что «расселение зависит от способа производства и надстройки, формируется в соответствии с потребностями производства, экономических отношений, политики, культуры и быта людей» [8, с. 15]. Развивая мысль В. Г. Давидовича, необходимо отметить, что от перечисленных выше факторов зависит не только экистическая обстановка, но и геодемографическая ситуация. Показательна в этом отношении демографическая политика, осуществляемая тем или иным государством и воздействующая так или иначе на все стороны развития народонаселения, производства, политики, включая и их пространственные аспекты.

Все высказанные выше общетеоретические соображения о взаимодействии географии населения и политической географии позволяют обстоятельнее, основательнее осветить поставленные в данной работе вопросы.

Главный геодемографический феномен в современном мире — все усиливающийся рост численности населения Земли, и особенно в Африке, Латинской Америке и Азии. Однако, по мнению С. И. Брука, основанному на анализе статистических материалов за длительный период, нельзя говорить, как это делают западные исследователи, о «демографическом взрыве» или «бесконтрольном» росте населения в послевоенное время [3, с. 11]. Более того, С. И. Брук утверждает, что, учитывая тенденции последних лет и крайне малую вероятность возвращения к чрезвычайно высоким темпам воспроизводства населения 60-х годов, следует признать прогнозы ООН относительно общей численности населения мира (и, добавим, отдельных регионов) на 2000 г. завышенными [3, с. 29]. Автор допускает, что в 2000 г. на Земле будет не выше 5,5—5,8 млрд. человек.

Этот вывод базируется на обстоятельном учете тенденции сокращения среднемировой рождаемости (а следовательно, и естественного прироста, хотя уменьшается и смертность), вполне укоренившейся в последнее десятилетие в значительной степени за счет приближения так называемой демографической зимы в Европе [9, 1987, № 29, с. 8—9]. В интервью газете «Известия» 17 октября 1989 г. заместитель Генерального секретаря ООН Адебайо Адедеджи привел такие данные о годовом приросте населения: в развивающихся странах — 1,94%, в развитых—0,6, в целом в мире—1,63%. Нельзя не отметить,

однако, что в большинстве стран Африки и Западной Азии уровень рождаемости по-прежнему высок: в 1989 г. в Африке он составил 45 детей на тысячу человек. Это, вероятно, и дало основание экспертам ООН утверждать на Всемирной конференции по народонаселению в Мехико в августе 1984 г., что в 2000 г. население земного шара составит 6,1 млрд. человек. т. е. на 1.3 млрд. человек больше, чем в 1984 г. (имеются и другие подсчеты: на рубеже XX—XXI веков будет жить более 6,4 млрд. человек). В 1990 г. американская исследовательская организация «Попьюлейшн референс бюро» опубликовала свой прогноз численности населения на Земле в 2000 г. (6 млрд. 292 млн. человек), очень близкий к расчетам экспертов ООН. По долгосрочным перспективным прогнозам ООН предполагается, что в 2025 г. население Земли возрастет (по среднему варианту) до 8,2 млрд. человек, а еще через 25 лет — до 9,5 млрд. и стабилизируется к концу XXI в. на уровне 10,5 млрд. человек [5].

При этом самые высокие темпы прироста населения сохранятся в афро-азиатском и латиноамериканском мире (табл. 1). Так, по прогнозам ООН, к началу XXI в. 56% этого прироста будет приходиться на Азию, 25% — на Африку и 11% — на Латинскую Америку.

Ожидается также значительный прирост населения в отдельных развивающихся странах (табл. 2).

Во многих государствах и международных организациях продолжаются подсчеты будущей численности населения на Земле. В них немало любопытного. Так, бюро переписи США в 1988 г. рассчитало, что в 2040 г. в мире будет проживать 10 млрд. человек, в том числе Индия, Пакистан и Нигерия войдут в первую четверку самых населенных стран.

Как видим, во всех прогнозах неизменно отмечается значительное увеличение численности населения развивающихся стран. И это несмотря на демографическую политику правительств большинства этих стран, предусматривающую установление контроля над рождаемостью и ее сокращение. (Не следует полагать, как это часто допускается в научной и публицистической литературе, что в традиционном обществе, скажем в Африке, отсутствовали правила регулирования рождаемости. Они широко практиковались, например, у кипсигов в Кении и фульбе в Западной Африке.) Так, в Алжире введена политика «планирования семьи на основе индивидуального и коллективного согласия», поддержанная мусульманским духовенством. В феврале 1983 г. правительство этой страны приняло комплексную программу регулирования демографического роста, включающую проведение широкой разъяснительной работы, с тем чтобы ограничение количества детей стало добровольным и сознательным выбором супругов, и создание специальных центров по оказанию практической медицинской помощи и распространению контрацептивных средств. Активно

Предполагаемая численность населения в основных регионах мира *, млн. человек

Регион	1984 г.	2000 r.	Прирост, %
Африка	513	851	65,9
Латинская Америка	390	564	44,6
Азия	2730	3564	30,5
Океания	24	29	20,8
Северная Америка	259	302	16,6
Европа (без СССР)	489	511	4,5

* Источник: [9, 1984, № 6, с. 18].

Таблица Предполагаемая численность населения в отдельных странах *, млн. человек

Страна	19 84 r.	2025 r.
Индия	750	1311
Нигерия	97	329
Бангладеш	92,4	266
Бразилчя	133	243
Египет	46	86
Кения	20	83

* Источник: [9, 1984, № 33, с. 3].

политику планирования семьи проводит начиная с 1988 г. Нигерия, правительство которой очень обеспокоено высокими темпами роста населения — 3,2% в год [26, с. 23].

Примеров демографической политики аналогичного содержания немало в Азии, Африке и Латинской Америке. Они широко освещены в советской литературе (см., например, [6; 7; 12 и др.1). В ряде стран в понятие «демографическая политика» включаются исключительно экистические проблемы. Подтверждение тому — разработка в Ливии в рамках решения демографических вопросов проекта развития сети населенных пунктов до 2000 г., в котором рекомендуется интегрировать существующие северо-западные и северо-восточные городские агломерации и создать новую столицу в районе Большого Сирта с населением 250 тыс. человек, рассредоточить промышленные предприятия, торговые и административные учреждения по региональным центрам, создать 24 новых города в малоосвоенных районах, а также расселить жителей 150 деревень, где отсутствуют возможности дальнейшего хозяйственного роста. Правительство Ливии на основе этого проекта приняло Национальный перспективный план на 1981—2000 гг., предусматривающий создание главной оси экономического развития между Мисуратой и Бенгази с рядом субрегиональных центров (см. [25]).

В афро-азиатском и латиноамериканском мире имеются, однако, страны, правительства которых открыто поощряют увеличение рождаемости. К ним относятся, в частности, Саудовская Аравия, Малайзия, Ирак, Чили, Уругвай, Габон, ЦАР, Камерун, Судан и Заир (см. [9, 1984, № 34, с. 14]). Особое внимание к увеличению численности населения объясняется не только тем, что оно (население) рассматривается как экономический ресурс. Учитываются также политико-престижные мотивы, ну и, конечно, военно-стратегические позиции страны в отношении соседей. Показательно в этой связи, что в Ираке во время войны с Ираном в 80-е годы расклеивались плакаты с осуждением противозачаточных средств и призывами к женщинам рожать детей для своей страны [9, 1988, № 3, с. 11]. Заметим, что население Ирака составляет немногим более 1/3 жителей Ирана.

Провозглашаемый тем или иным правительством курс на усиление контроля над рождаемостью в ряде случаев недостаточно эффективен. Так, в Гане в 1960 г. на 10 женщин, достигших возраста 45—49 лет, приходилось 62 деторождения, в 1971 г.— уже 68, а в 1979 г. и того больше — 69 (см. [28]). Да и в упоминавшейся уже Нигерии, несмотря на правительственные усилия по ограничению рождаемости, политика планирования семьи не встречает понимания у населения. Опросы показали, что 84% нигерийских женщин не заинтересованы в планировании семьи, лишь ¹/₃ вообще слышала о методах контрацепции и только 3% супружеских пар сегодня готовы к планированию семьи [26, с. 23]. Вместе с тем было бы неправильно утверждать, что программы ограничения рождаемости в развивающихся странах, в том числе и в Гане, вовсе не дают никаких позитивных результатов (см., например, [23]).

В большинстве освободившихся государств совершенно справедливо признают обусловленность демографических процессов социально-экономическими факторами. Это нашло свое подтверждение на состоявшейся в Аруше (Танзания) Второй конференции по народонаселению Африки и на Всемирной конференции по народонаселению в Мехико, проходившей под девизом «Человек — самая большая ценность в мире, население — главное богатство каждого государства». Не быстрый рост населения сам по себе, а социально-экономическая отсталость, неоколониальная стратегия монополий, которая ухудшает экономическое положение освободившихся государств, — вот причины увеличивающегося разрыва в уровнях развития между ними и развитыми странами. Именно поэтому в Азии, Африке и Латинской Америке все чаще признают, что демографическая

политика должна стать органической частью социально-экономической и политической стратегии государства.

Стремительный рост населения в развивающихся странах требует огромных капиталовложений для сохранения уже достигнутого уровня жизни. По подсчетам американского экономиста Дж. Спенглера, при росте населения страны на 1% в год нужны капиталовложения в размере 4% национального дохода. Таким образом, в странах с естественным приростом населения в 2% и более необходимо ежегодно инвестировать 8% национального дохода и выше. Это означает сокращение расходов на повышение уровня социальной обеспеченности насеперенапряжение национальных бюджетов, а также уменьшение инвестиций на подъем отсталых в социально-экономическом отношении районов развивающихся стран. Тем самым при определенных социально-политических обстоятельствах возникают новые либо углубляются старые причины роста межрегионалистской напряженности (межрайонного антагонизма) [19, с. 21, 22]. Эта напряженность усиливается в условиях этнического и конфессионального плюрализма. вследствие чего обостряются проблемы территориального единства и государственно-политического устройства страны.

Подобная политико-географическая картина наблюдалась или наблюдается во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки (например, в Индии, Индонезии, Эфиопии, Нигерии, Чаде). Таким образом, демографический процесс, характеризующийся резким увеличением численности населения, в исследуемых регионах может содействовать углублению и даже возникновению дезинтеграционных процессов [13, с. 18,

19].

С быстрым ростом численности населения во многих странах связано обострение экологических и политико-территориальных проблем. Ухудшение состояния окружающей среды, нарушение ее равновесия уменьшают, по существу, экологическую емкость тех или иных районов, в результате чего власти нередко предпринимают меры по переселению жителей из экологически кризисных территорий. Это, в свою очередь, может вызывать нежелательные конфликты между переселенцами и местными жителями, особенно если и те и другие этнически чужеродны. Подобное имело место, например, в Эфиопии.

Правительствами предпринимаются и другие шаги по решению сложных географо-экологических проблем. Так, в Кении с конца 1983 г. осуществлялся проект по анализу сложившейся в аридных и семиаридных областях (занимающих 80% ее площади) демографической ситуации и разработке рекомендаций по оптимизации природопользования в условиях роста

плотности населения (см. [27]).

Значительный естественный прирост, связанный с сохраняющейся еще высокой рождаемостью и резким понижением смертности, определяет большую долю детей (до 14 лет) в на-

селении Азии, Африки и Латинской Америки — как правило, более 40%. Это требует существенных затрат на воспитание и образование детей, а в связи с переходом их в производительный возраст обостряется проблема занятости. Надо учесть также и некоторое повышение в освободившихся странах доли лиц пожилых возрастов (60 лет и выше). Оба эти геодемографических процесса (рост численности детских и пожилых возрастов) увеличивают «демографическую нагрузку» на трудоспособное население (15—59 лет), тормозя повышение жизненного уровня всего народа.

Наличие в составе населения большой доли детей и потребности общества в квалифицированных кадрах вынуждают правительства стран «третьего мира» развивать сеть школьных учреждений, а также средних специальных и высших учебных заведений. Это, в свою очередь, увеличивает контингент учащейся молодежи. Количественный рост последней (прежде всего студенчества) усиливает социально «детонирующую» роль этого слоя населения. Особую активность в этом плане проявляет студенчество стран Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока, Западной Африки, Таиланда, Малайзии и некоторых других государств. Общественная сила студенчества и примыкающих к нему учащихся старших классов повышается в результате их территориальной концентрации в немногочисленных учебных заведениях (особенно в Африке), размещенных, как правило, в крупных и средних населенных пунктах. Большая часть студенчества также проживает в общежитиях, представляющих собой своеобразные студенческие городки. Это, несомненно, усиливает у них чувство политической общности, солидарности. При возникновении студенческих волнений концентрация молодежи в учебных заведениях и студенческих городках создает определенную политико-территориальную базу сражений студентов с властями. Яркий пример тому — студенческие волнения в Аддис-Абебе в мае-июне 1990 г., участники которых протестовали против казни двенадцати генералов, обвиненных в попытке государственного переворота в мае 1989 г. Основные студенческие городки в пределах Аддис-Абебы — эпицентры антиправительственных выступлений молодежи, по сообщению газеты «Известия» от 2 июня 1990 г.. были осаждены полицией и войсками. Властям удалось предотвратить распространение волнений на другие районы столицы.

Не исключены также столкновения между учащейся молодежью на этнической и конфессиональной основе. Подобные конфликты в условиях нерешенности сложных проблем национальных и религиозных отношений особенно часты в пограничных (межэтнических и межконфессиональных) областях и в студенческих городках.

Низкий уровень и темпы экономического развития освободившихся стран не соответствуют темпам роста населения,

и потому в них велика армия детей школьного возраста, не посещающих школу, а также лиц производительных возрастов, не имеющих работу. Так, в Индии, по официальным данным, в середине 80-х годов насчитывалось 30 млн. полностью безработных, причем некоторые авторы считают, что в действительности безработных там было в несколько раз больше. До полумиллиона безработных насчитывалось в Эфиопии к 1990 г.

С начала 80-х годов рост трудовых ресурсов в Индонезии составляет ежегодно 1,75 млн. человек, причем многие из этих новых контингентов рабочей силы остаются вовсе либо частично без работы. В 1980 г. в стране из 51 млн. человек, занятых на различных предприятиях и в учреждениях, 11,5 млн. работали менее 24 часов в неделю (см. [22]). Сходная ситуация наблюдается и в других государствах Азии, Африки и Латинской Америки.

Среди безработных в развивающихся странах оказывается немало выпускников школ и даже высших учебных заведений -это так называемая «квалифицированная безработица». Известно, что люди в поисках работы покидают свои деревни и мелкие населенные пункты и отправляются в крупные города, где, также не найдя работу, оседают на «дно», пополняя тем самым маргинальные слои города. Маргиналы представляют собой социально взрывоопасный элемент населения. В выступлениях городских низов Азии и Африки все возрастающую роль играет упоминавшаяся выше безработная и полубезработная интеллигенция. Маргиналы, расселяясь, как правило, на окраине городов, в городских трущобах, образуют территориально «пояса нищеты», которые постоянно разбухают за счет увеличивающейся миграции из деревень. Исследователи считают, что численность городских низов, в том числе их ядра — безработных и люмпен-пролетариата, будет расти еще в течение нескольких десятилетий [14, с. 304]. Подобная тенденция обусловлена невиданными прежде темпами урбанизации в афро-азиатском и латиноамериканском мире, причем эти темпы, как правило, намного опережают рост промышленности. Появился даже термин «допромышленная урбанизация».

Таким образом, рассматривая территориальную структуру населения развивающихся стран, нельзя игнорировать «пояса нищеты», представляющие собой своеобразные политико-географические зоны социальной напряженности. Немало случаев (например, в Аддис-Абебе в январе—феврале 1974 г.), когда достаточно искры, чтобы обездоленные и озлобленные маргиналы покинули эти свои зоны и нахлынули на респектабельные кварталы, требуя улучшения жизненных условий. В Азии, Африке и Латинской Америке политическая роль городов весьма велика, если учесть, что многие из них окружены обширными пространствами, где сохраняются архаичные отношения, традиционные условия существования. Применительно к разви-

вающимся странам по-особому звучат слова В. И. Ленина о том, что во всех случаях «города представляют из себя центры экономической, политической и духовной жизни народа и являются главными двигателями прогресса» [2, с. 341].

В политико-географическом отношении города цементируют территориальное единство страны. Известно, что многие из развивающихся государств накануне обретения независимости являли собой, по сути дела, конгломерат разобщенных областей. Рост городов и массовые миграции населения типа «деревня—тород», «город—город», «деревня—деревня» и даже «город—деревня», а также «деревня—агропромышленный комплекс» ускоряют превращение страны в единый политико-территориальный комплекс.

Первостепенное значение в жизни народов, освободившихся от колониализма, имеют столицы, причем в большинстве стран Азии, Африки и Латинской Америки они являются, как правило, самыми крупными городами, а другие намного отстают от них по численности населения. Заметное увеличение количест-

ва горожан видно на примере Индии (табл. 3).

Предполагается, что в 2000 г. самым населенным городом в мире станет Мехико, который будет насчитывать 27,6 млн. жителей. Кроме того, в Азии, Африке и Латинской Америке будет еще пять городов с населением 14—21,5 млн. человек: Сан-Паулу, Бомбей, Калькутта, Джакарта и Рио-де-Жанейро [9, 1984, № 6, с. 18]. По прогнозу экспертов Международной организации труда, опубликованному в 1988 г., к этим городам в «третьем мире» будут примыкать по численности населения Каир, Карачи, Дакка и Манила, где будут проживать 11—13 млн. человек. Ожидается в связи с появлением городов-гигантов усиление существующих или возникновение новых политико-географических процессов.

Урбанизация и дальнейшее развитие экономики в странах исследуемых регионов вызывают изменения социальной структуры населения, а следовательно, затрагивают и ее пространственный аспект. Для определения социально-территориальной или территориально-политической организации населения, думается, можно использовать коэффициент локализации (K_n) социальной или политической группы в данном районе. Формула этого коэффициента такова:

$K_{n} = \frac{\text{численность социальной группы в районе}}{\text{численность социальной группы в стране}}$

Представляется целесообразным делать подсчет по административным районам. Применение этого коэффициента позволит основательнее осуществить политико-географическое районирование страны или региона.

Быстрые темпы урбанизации приводят к заметным изменениям в этноконфессиональной картине развивающихся стран. Эта тенденция обстоятельно проанализирована в ряде работ

Рост численности населения крупнейших городов Индии в 1971—1981 гг.*

Город	Численность населения в 1981 г., млн. человек	Рост в срав- нении с 1971 г., %
Калькутта	9,17	30, 4
Бомбей	8,20	37, 4
Дели	5,23	43, 4
Мадрас	4,28	34, 9
Ахмадабад	2,51	44, 4
Хайдарабад	2,56	42, 9
Канпур	1,68	32, 2
Пуна	1,68	48, 5
Нагпур	1,30	39, 6

* Источник: [21].

В. В. Покшишевского, Я. Г. Машбица и С. И. Брука. С учетом их мнения особо следует подчеркнуть сложность и противоречивость этнообъединительной роли городов в афро-азиатском и латиноамериканском мире. Процессы «переваривания» в общенациональном котле представителей различных этнических групп в городах Азии и Африки затруднены, в частности, из-за «этнического урбанизма», т. е. обособленного расселения отдельных этнических групп в городах. «Этнический урбанизм», дополненный конфессиональной неоднородностью (в этом случае можно говорить о «конфессиональном урбанизме»), еще более усложняет этническую консолидацию и интеграцию. В 60-80-е годы было немало случаев межэтнических столкновений в городах Азии и Африки между жителями этно- или конфессионально обособленных кварталов. В этой связи большое значение имеет определение этно- или конфессиональнопространственных параметров расселения людей в городах, что позволит объективнее и глубже исследовать территориальные аспекты социально-политических процессов.

Из-за отсутствия достоверной этнодемографической и религиозной статистики по многим городам Азии, Африки и Латинской Америки трудно вычислить индекс этнической мозаичности, предложенный Б. М. Эккелем (см. [17]), а также индекс конфессиональной неоднородности. Формула последнего индекса:

$$P_i = N \cdot Q$$
,

где P_i — индекс конфессиональной неоднородности і-го района или города,

N — число конфессиональных групп населения 1-го района или города,

Q — доля конфессиональной группы во всем населении города.

С помощью этих индексов можно сопоставить мозаичность этнического и конфессионального состава различных районов и городов страны или стран, а также определить этнические (или конфессиональные) политико-территориальные зоны вероятных межэтнических или межконфессиональных столкновений либо контактов.

На изменение этноконфессиональной структуры населения развивающихся стран оказывает влияние не только урбанизация, но и многие другие геодемографические процессы. Весьма значительна при этом роль неодинаковых темпов естественного прироста у различных народов. Немало случаев, когда данный показатель выше у народов или конфессиональных групп, в социально-политическом и экономическом отношении дискриминируемых в своих странах. Повышение «демографического веса» таких угнетенных групп населения усиливает среди них стремление к изменению социально-политического и экономического положения, нередко вызывая даже центробежные тенденции. Очень показательна в этой связи ситуация в Ливане. где, «хотя большинство населения... и принадлежит к одному этносу — ливанским арабам, традиционные конфессиональные различия позволяют говорить о существовании в рамках одного этноса нескольких групп, обособившихся под влиянием конфессионального фактора» [15, с. 4; см. также: 13, с. 176, 1771.

Конфессиональный характер социально-политических структур, утвердившийся в недавнем прошлом в Ливане, в настоящее время уже не соответствует современной обстановке в стране. Выведенные на основе переписи 1932 г. нормы общинного представительства, согласно которым христианам-маронитам в силу их численного превосходства над другими религиозными общинами предоставлялось большее количество мест в государственных органах власти, в наши дни безнадежно устарели, ибо уровень прироста населения у мусульман Ливана (как шиитов, так и суннитов) выше, чем у маронитов. В основе длившейся почти два года (1975—1976) гражданской войны в Ливане лежало, с одной стороны, стремление национально-патриотических сил осуществить прогрессивные реформы, ликвидировавшие бы социально-политическую дискриминацию, а с другой — желание правохристианских партий сохранить конфессиональное (и, следовательно, социально-экономическое) статус-кво. В ходе боевых действий христианское руководство, опасаясь за свои привилегии, выдвинуло план раздела Ливана на три государства (христианское в Центральном Ливане, мусульмано-суннитское на северо-востоке и мусульмано-шиитское на юге и юго-востоке), объединенных в федерацию [15, с. 4]. Особо подчеркнем, что прогрессивные силы Ливана видят путь освобождения от межобщинной, межконфессиональной отчужденности в сплочении всех трудящихся для защиты их общенациональных интересов.

Аналогичных взглядов придерживаются и левые партии Ин-

дии, где так называемые коммуналистские отношения время от времени резко обостряются. С середины 80-х годов ухудшилась обстановка в штате Пенджаб, где сикхские сепаратисты активизировали свои выступления за отделение и образование «самостоятельного государства Халистан». Усиление подобных настроений среди сикхов отчасти связано с увеличением их доли в общей численности населения Индии (в 1881 г.— 0,74%, 1971 г.— 1,89, а в начале 80-х годов — более 2%) (см. [24]).

Ведущую роль в ливанских и индийских событиях (а также в сходных, но не тождественных событиях на Филиппинах, Кипре, в Малайзии и других странах) играют социально-экономические факторы. Однако нельзя не учитывать и значительную роль геодемографических и этноконфессиональных обстоятельств, в данном случае их влияние на политико-территориальные дезинтеграционные процессы.

Говоря о политико-географических процессах в их взаимодействии с геодемографическими изменениями в развивающихся странах, следует особо обратить внимание на исламский фактор, который стал играть все возрастающую роль в судьбах многих государств Азии и Африки (см. [18]). Например, как предполагают, в Сьерра-Леоне в начале 80-х годов мусульмане составляли уже 25-50% всего населения. Распространение ислама на этой территории началось лишь в XVII в., а число его приверженцев заметно стало увеличиваться только послевторой мировой войны. Это происходило не только за счет расселения фулани, мандинго и сусу в горных районах страны, перехода в мусульманскую веру части менде, ранее исповедовавших местные автохтонные религии или христианство. У мусульман Сьерра-Леоне рождаемость значительно выше в сравнении с приверженцами других вероисповеданий. Мусульманские богословы и служители культа оказывают все большее влияние на различные стороны жизни Сьерра-Леоне, в том числе на правительственные решения.

Аналогичная ситуация характерна для Бангладеш и ряда других государств «третьего мира». И если в Бангладеш нет конфликтов на конфессиональной основе, то в Судане, где велика доля христиан и сторонников местных верований, в Эфиопии с преобладанием в ней христиан над численно увеличивающимся мусульманским населением и в других странах с неоднородным конфессиональным составом политическая обстановка иная. В арабо-мусульманском мире считают даже, что в Эфиопии мусульман больше, чем христиан, и на издаваемых в арабских столицах географических картах часто вся Эфиопия окрашивается в зеленый цвет, как и другие страны исламского мира [18, с. 177]. В последнее время резко обострились мусульманско-христианские взаимоотношения в Нигерии [9, 1988, № 31, с. 10]. Очаги конфликтных ситуаций в «третьем мире» на конфессиональной почве, обусловленные отчасти геодемографическими обстоятельствами и сопутствующими им социальноэкономическими трудностями, осложняют политико-географическую обстановку в Азии, Африке и Латинской Америке. Дальнейшее изучение взаимодействия сдвигов в географии населения и политико-географических процессов в Азии, Африке и Латинской Америке намного обогатит общественную географию развивающихся стран.

Литература

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения *.

2. Ленин В. И. Новейшие данные о партиях в Германии. Т. 23.

3. Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981. 4. Брутенц К. Н. Освободившиеся страны в начале 80-х годов.— Коммунист. 1984. № 3.

5. Бюллетень иностранной коммерческой информации. М., 02.08.1984.

6. Гузеватый Я. Н. Проблемы народонаселения и социально-экономическое развитие стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1970.

7. Гузеватый Я. Н. Демографо-экономические проблемы Азии. М., 1980. 8. Давидович В. Г. Расселение в промышленных узлах. М., 1960.

9. За рубежом. М.

10. Крипская Н. К. Педагогические сочинения. Т. 9. М., 1964.

11. Перфильев М. Н. Общественные отношения. Методологические и социологические проблемы. Л., 1974.

12. Производительные силы Африки. Трудовые ресурсы. М., 1981. 13. Пучков П. И. Современная география религий. М., 1975.

- 14. Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974.
- 15. Родионов М. А. Марониты Ливана (Историко-этнографический очерк). Автореф. канд. дис. Л., 1975.

16. Сальников С. С. Экономическая география океана в СССР.— Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. Л., 1984.

17. Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР.— Советская этнография. 1976, № 2. 18. Этноконфессиональные процессы в современном мире. Баку, 1989.

19. Ягья В. С. Размещение хозяйства и некоторые политико-географические процессы в «третьем мире».— Страны и народы Востока. Вып. 18. М., 1976.

20. Ягья В. С. Становление и развитие политической географии в Советском Союзе. — География, политика и культура. Л., 1990.

21. Bhatia J. C. Density of Population and Social Pathology in India.—Indian Geography Studies. 1983, No. 20.
22. Chaponniere J. R. L'Indonésie, le plus pauvre et le plus peuplé des pays de

- l'OPEC.—Industrie et traveaux Outre-Mer. 1984, vol. 32, № 367.
- 23 Crimmins E. M. a. o. New Perspectives on the Demographic Translation: a Theoretic and Empirical Analysis of an Indian State, 1951-1975.— Econo-
- mic Development and Cultural Change. 1984, vol. 32, № 2.

 24. Dutt A. K., Davgun S. Religious Pattern of India with Factoral Regionalization.— Geojournal. 1979, vol. 3, № 2.

 25. Lanless R., Kezeiri S. Special Aspects of Population Change in Libia.— Méditerranée. 1983, vol. 50, № 4.

26. Nigeria: New Population Policy.— Africa. 1989, vol. 30, № 9—10.

- 27. Sindiga I. Monitoring Population Pressure in the Semi-Arid Zone of Kenya.-
- Geographical Bulletin. Gamma, Betta, Theta, Upsilon. 1984, vol. 25. 28. Tawiah E. O. Determinants of Cumulative Fertility in Ghana.— Demography. 1984, vol. 21, № 1.

^{*} Труды К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по 2-му изданию Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.